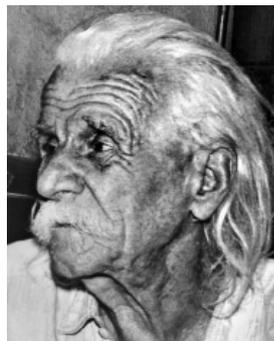

ВИКТОР ЛЕБРЕН (LEBRUN)

Публицист, мемуарист, один из секретарей Л. Н. Толстого (1906 г.)

Родился в 1882 году в Екатеринославе в семье французского инженера, сорок лет проработавшего в России. Свободно владел русским и французским языками. Годы его жизни в России подробно освещены в публикуемых воспоминаниях. В 1926 году Лебрен уехал во Францию, где прожил до самой смерти (1979).

<Л. Н. ТОЛСТОЙ>

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

Участь всех основателей сект и философских школ не миновала и Толстого. Последователи его трёх родов: одни занимаются исключительно «личным внутренним совершенствованием» и как бы презирают всякую практическую деятельность. Это — **БУКВОЕДЫ ЗАКОНА**.

Другие покидают торные пути жизни, подготовительное учение, привилегированное состояние, отказываются от богатства, идут в народ и кормятся физическим трудом. Это — **ДОБРОВОЛЬЦЫ ТРУДОВОГО ФРОНТА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**.

Наконец, третьи, не отказываясь от своих специальностей, служат ими народу. Это — **ДРУЗЬЯ И СЛУГИ НАРОДОВ**.

Единомышленники первой категории — «чистые буквоеды» — очень редки среди почитателей Толстого. Кроме «личного душевного совершенствования», они почти все переписывают, печатают и распространяют запрещённые писания учителя. Это уже деятельность практическая и полезная.

Вторая категория создала много счастливых и мощных земледельческих семей, иногда даже богатырских, сведущих и очень полезных сельских хозяев в России, Америке и других странах.

Третья всем обездоленным на нашей планете дала способных, беззаветно преданных и незаменимых слуг.

ДУШАН ПЕТРОВИЧ МАКОВИЦКИЙ*

Доктор Душан Маковицкий лечит почти исключительно бедноту. Лечит самоотверженно, без отдыха, большей частью бесплатно.

Я приехал к нему в северную Венгрию, в маленький городок Жилин, утопающий в садах. Маковицкий говорит по-русски. Ещё будучи на медицинском факультете в Женеве, он приезжал в Ясную Поляну с товарищем, впоследствии известным доктором Шкарваном*.

Встреча наша была любопытна. Когда я подал ему письмо Толстого, он внимательно уставился на меня и с некоторым смущением проговорил: «Это надо решить сейчас же: пожалуйста, мы будем говорить друг другу ты?» Он был лет на двадцать старше меня. Я ответил: «Ну, конечно!», и наша дружба, самая тесная, продолжалась до его смерти.

Я оставался несколько недель у этого замечательного человека. Он тотчас же определил меня к себе в помощники в амбулатории на приеме больных. Я научился спринцевать уши, промывать нарывы и раны, накладывать повязки.

Вскоре через прелестные горы, где мы горстями собирали чернику и малину, Душан повёл меня обедать на уединённую дачу к своему очень близкому другу-профессору Томасу Масарику*. Будущий президент Чехословакии был один с дочерью, и мы провели день в тихой интереснейшей задушевной беседе. Незабвенный облик внимательного и ласкового Масарика с его умными тёмными глазами навсегда запечатлелся во мне.

В последующие годы, до своего переезда из Венгрии в Ясную Поляну, Душан непрерывно в течение нескольких лет посылал мне в запечатанных конвертах, под видом писем и фотографий, лондонские издания «Свободного слова». С помощью его и Марьи Александровны для меня и многих друзей отвратительная царская цензура была побеждена.

С. Д. НИКОЛАЕВ

Приехал Сергей Дмитриевич, — говорит мне Марья Александровна* в один из моих первых приездов. И она объясняет мне, как среди моря ржи отыскать затерянный домик, который семья наняла, чтобы провести лето. Николаева я ещё не встречал, но его прекрасные переводы книг Генри Джорджа* я уже читал с огромным увлечением, и заочно через друзей мы хорошо знали друг друга.

На следующий же день, после полудня, я отправился повидать нового и интересного друга.

Старенький заброшенный домик среди ржи казался необитаемым. На дворе, поросшем травой, не было никого. Дверь была открыта настежь.

Но на пороге я остановился, наблюдая. На полу, спиной ко мне, у большого дивана сидел человек и быстро строчил карандашом на маленьких листках. На его плечах сидели два мальчика, девочка с хохотом старалась стащить их оттуда. Пишущий не обращал на детей ни малейшего внимания и быстро заполнял листки величиной с ладонь. На диване перед ним лежала раскрытая книга, а возле, на полу, лежал огромный английский словарь. Толщина его равнялась его ширине, так что он имел форму почти куба. Я с интересом следил за столь своеобразным приёмом работы.

Наконец мальчики заметили меня и свалились с плеч отца. Крупный сильный человек с открытым светлым лицом северянина, окаймлённым тёмнорусой небольшой бородой, поднялся мне навстречу.

— Это Лебрэн? — весело сказал он, пожимая мне руку.

— Он самый, — ответил я смеясь, и крепкая, полная интереса дружба с отцом и со всей семьёй связала нас на всю жизнь. Впоследствии я бывал у них в Москве. Они жили у меня на Кавказе. Сергей Дмитриевич неизменно посылал мне каждую свою новую книгу, всегда снабдив её надписью, полной уверений в дружбе и уважении.

Николаевы были всей семьёй строгими вегетарианцами и пламенными джорджистами. Мать, Лариса Дмитриевна, дала описание шестисот блюд в книге «Вегетарианская кухня»*. Она в течение многих лет была организатором и активным участником Московского вегетарианского общества*, которое содержало в Газетном переулке большую вегетарианскую столовую. Столовая эта была своеобразным толстовским клубом. Кроме прекрасной и дешёвой пищи, там продавались тщательно подобранные книги. Вечерами читались лекции. В противоположность большинству начинаний, столовая эта оказалась предприятием очень жизнеспособным. Она надолго пережила войну четырнадцатого года, гражданскую войну и существовала в первые годы революции.

Николаев был последовательным джорджистом. До революции он имел в Москве небольшой собственный дом, доход с которого едва хватало семье как средства к существованию. Сведущий экономист старательно вычислил земельную ренту, которую, независимо от построек, приносила занимаемая им площадь. И этот «незаработанный доход» он тщательно расходовал на издание дешёвых переводов Генри Джорджа. С дешёвых изданий переводчик не брал гонораров, и пламенные речи и статьи великого американца сотнями тысяч распространялись книгоношами в самых глухих частях России того времени.

Английский язык Николаев выучил без учителя и по собственному методу. Метод этот состоял в том, чтобы не покупать учебника, а купить самый полный словарь и полную грамматику, и начинать сразу переводить письменно что-либо нужное и значительное, ничего не заучивая наизусть,

а только справляясь в словаре и грамматике. Перевод надо было писать дважды: сначала дословный, затем — литературный. Слова нужно было выписывать карандашом в особую тетрадь и никогда не заучивать. Но в словаре обязательно каждый раз прочитывать все значения данного слова. Он утверждал, что обыкновенно достаточно дважды отыскать слово в словаре и записать, чтобы оно автоматически навсегда запечатлелось в памяти.

В воспитании детей также применялся особый метод. Четыре мальчика спали на особых разборных нарах, которые на день выносились из классной комнаты. На пару невысоких козел накладывались струганные ольховые доски. На них стлался большой толстый белый войлок. Спали на нём в кальсонах и в рубахе и, как римский император Марк Аврелий*, каждый покрывался собственной шинелью. Подушек и простынь не существовало. Если случался гость, его укладывали тут же. Я не раз зимой в Москве ночевал с детьми на этих нарах.

Читать детям давали только подлинники самых значительных произведений: Брэм*, Киплинг*, Томпсон*, путешествие знаменитого Вамбери в Среднюю Азию* и проч. В результате этого воспитания и режима вышли умные и сильные юноши, способные на все руки. Старший постоянно коллекционировал минералы. Впоследствии он сделался профессором математики и геологии. Другой стал знатоком сельскохозяйственных машин* и работал на юге России. Родители и дети очень любили меня.

Всех интересных друзей Толстого невозможно перечислить.

Группа самых близких: Павел Иванович Бирюков, бывший флотский офицер, автор монументальной биографии Толстого*; Иван Иванович Горбунов-Посадов*, начавший свою карьеру книгоношей; его жена Елена Евгеньевна, дружившая с Н. К. Крупской* и много других помогли Толстому основать замечательное книгоиздательство «Посредник»*, дающее народу за бесценок огромное количество полезных книг и брошюр. В. Г. Чертков* до своего изгнания из царской России тоже деятельно работал в «Посреднике».

АДВОКАТ СТРУМЕНСКИЙ*

Молодого Степана Евгениевича я встретил у Марии Александровны. Он помогал ей и носил на мудрёном швейцарском коромысле молоко за четыре километра на чугунолитейный завод. Он остался адвокатом и защищал отказывающихся от царской военной службы и сектантов, преследуемых православной церковью. Очень способный, он овладел английским языком, основался в Шанхае и с успехом сотрудничал в англо-китайских газетах. Он, как и я, был пламенным асперантистом, джорджистом и сторонником освобождения Востока от английского ига. Через него я был ос-

ведомлён о китайской революции и о замечательной системе обложения, которую, по Джорджу Вильгельму, ввёл Киао-Циао*. Струменский ознакомился с ней на месте и нашёл её идеальной. Он высоко оценили эту систему и японцы, когда отняли эту территорию. А австралийские джорджисты послали Вильгельму такой же почётный диплом на пергаменте, какой они после послали Толстому к его восьмидесятилетию*, и потеряли из виду этого способного и умного друга вследствие войны 1912-го года.

СУЛЕРЖИЦКИЙ*

Очень талантливый молодой Сулержицкий, отказавшийся от военной службы и помогавший духоборам переселиться в Канаду, сделался режиссёром Московского художественного театра. Это был, быть может, единственный театр в мире, где не аплодировали, чтобы не нарушать цельности и глубины впечатления...

Пути действительного положительного служения народу очень многочисленны. Идеиные земледельческие общины и колонии, нередко возникавшие в России и других странах, обыкновенно существовали недолго, но после них почти всегда на местах оставались способные и освещённые земледельческие семьи. Таким образом, прямое, а особенно косвенное, влияние Толстого на современников не поддаётся учёту. Если понять, что подобно духоборам и многим передовым сектам, сам Магатма Ганди* нашёл в нём могучую нравственную опору для всей титанической борьбы с английским засилием, что великий Сунат-Сем* в Китае предлагал, по Генри, обеспечить финансовые поступления в казну земельной рентой, что в Палестине в новообразованном государстве пятая часть госплощади сохранена за нацией, что Ллойд Джордж* и Сноуден* в Англии делали вид, что проводят закон о рентном обложении, — можно видеть, что интеллектуально-моральное усилие мыслителя обошло все страны. В духовном мире, как и в физическом, ничто не теряется. Где тлеет искра, лёгкого дунувения иногда достаточно, чтобы разгорелось пламя. Также, как оно затронуло меня, мощное интеллектуально-моральное усилие Льва Толстого затронуло тысячи и тысячи сердец и умов. Из Ясной Поляны, движимое только своей внутренней энергией, своим «средством» с душой человека, оно обошло всю планету!..

Со своей стороны, я тоже не оставался в долгу. Вскоре я так усовершенствовал гектограф*, что получал двести копий. Вследствие преследования властей это была опасная работа. Но она давала мне большое удовлетворение. Я только что прозрел организованный обман господствующих классов. Я ясно видел, как он всегда лишал и лишает даже лучших людей возможности жить честной плодотворной жизнью. А тут, под толстыми сводами

рабочей комнаты Толстого, в уединённой избушке Чарли Смит*, как и повсюду в душах высших представителей человеческого рода, совершалась неутомимая творческая работа. Работа отделения истины от лжи. Тут накапливалась неудержимая сила точного знания. Сила, подобная энергии весеннего прорастания семян на земной поверхности; подобная накоплению воды за запрудой; подобная распространению брожения в благоприятной среде! Каждое слово, которое я перепечатывал и тайно рассылал по пробуждающейся России, казалось мне чашей воды, которая напоит жаждущего; казалась камнем, который я прочно и навек закладываю в фундамент точного значительного знания человечества.

Практическая жизнь моя труднее поддавалась устройству.

Проведя два месяца в Австрии у сестры, мать моя решила поселиться в городе Николаеве Херсонской губернии. Я продолжал стремиться «сесть на землю». А пока в надежде, что мать когда-нибудь перестанет путешествовать, поступил в столярную мастерскую учиться ремеслу, которое я любил и которое в деревне могло быть мне полезно.

Толстому я писал постоянно. Он изредка отвечает.

Письмо ваше очень рад был получить*. Всё, что касается вас и, главное, вашего душевного состояния, очень интересно мне, потому что очень хотелось бы, чтобы вам было хорошо, и хорошо от того одного, от чего бывает людям истинно хорошо, от успешной работы над своей душой. Пожалуйста пишите мне. Мария Александровна была очень больна, но теперь поправилась. Я стараюсь, чтобы мне было хорошо, и понемногу успеваю.

Целую вас. Привет вашей матушке.

Лев Толстой.

Наша приятельница из Владивостока* приехала на лето в Крым лечить внуку. В Кореизе в городском саду она увидела Толстого, который поправлялся после тяжёлой болезни*. Она не утерпела, подошла к нему и заговорила обо мне.

Теперь она писала мне, что Толстой был с ней чрезвычайно любезен и что, говоря обо мне, он заметил: «Лебрен, как мне представляется, забрался очень высоко на колокольню. Но только удержится ли он там?»

Я тотчас же пишу учителю, что слова эти можно понять тройко: что я неискренен, или что я сам себя обманываю, или, наконец, что я понемногу продвигаюсь, но как и все, всегда подвержен многим опасностям.

Ответ не заставил себя ждать.

Получил ваше хорошее искреннее и умное письмо*. Разумеется третья из ваших предложений верно.

Здоровье скрипит, и мне немножко досадно, что на такую не только возможность, но необходимость моей скорой смерти смотрят, как на что-то необычное, недолжное.

Пишите мне и так же будьте строги к себе.

Привет матушке. Вас целую.

30 октября 1901. Л. Т.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КАВКАЗ

В ГОРЫ!

Узнав о нашем решении поселиться на Кавказе, Толстой направил меня в Тифлис к одному из своих друзей Илико Накашидзе*, который посвятил себя грузинской журналистике. Илико познакомил меня со своим дядей, владеющим в тридцати километрах прелестным имением «Кикети»*. Владелец с первого взгляда оценил меня и предложил поступать к нему в практиканты.

Так наконец исполнялось моё заветное желание.

Большая линейка, запряжённая тройкой, поднимает меня по Манглисскому шоссе, которое длинными петлями взбирается по крутому склону громадной Давидовской горы. Её звали тогда так. Оно, кажется, ведёт на самое небо. До трёх тысяч футов высоты.

Я смотрел назад, на то как там далеко внизу уменьшается город, на мой чемоданчик, привязанный сзади. Он почти исключительно набит запрещёнными писаниями Толстого. — Наконец-то я вырвался на волю. Я буду обрабатывать землю, землю, носительницу жизни, землю тёплую, влажную, неоскудевающую. Не люди, а земля, дождь и солнце будут питать меня!..

На отдалённых вершинах вешние лучи не успели ещё растопить последнего снега. Там, далеко в вышине, они розовеют и весело сияют на утренней заре. Ветерок, сбегаящий оттуда мне навстречу, приносит с собой запах тающего снега, влажной греющейся земли, запах весны! Полной грудью вдыхаю я звонкий бодрящий горный воздух и вспоминаю из Гейне:

В горы от вас ухожу я!
В горы, где трудятся люди,
В горы, где воздух свежее,
Легче где дышится груди!

В горы, где шепчутся ели,
Воды прозрачны, гремучи,
Весело птички щебечут,
Гордо проносятся тучи!

Мир вам, блестящие залы,
Гладкие дамы, мужчины!..
В горы!.. Оттуда взгляну я
Весело в ваши долины.*

ИМЕНИЕ КИКЕТИ

Имение, куда я поступил, было редкой красоты. На южном склоне, на высоте более двух тысяч футов, оно было защищено с севера высокой горной цепью, сплошь покрытой лесом. От неё два отрога, по бокам имения, спускались к югу. С востока и запада они окаймляли двор, большой плодородный сад и ниже покос и пахотные земли.

Большой длинный дом под красной крышей с широкой верандой во весь фасад занимал верхнюю террасу. Ниже на следующей террасе, под тенью громадных вековых орехов, большая пасека походила на улицу с двумя рядами миниатюрных домиков. Ещё ниже большой бассейн служил для поливки и для купанья.

У подножья горных отрогов два ручья обтекают усадьбу и все удобные земли. В самом низу ручьи сливаются, и сквозь расселину скалы, подобную гигантским воротам, они низвергаются вниз с огромной высоты. Голова кружится, когда смотришь вниз на плоскую обработанную долину. Речки и дороги, когда их удастся различить, кажутся шнурками, а люди подобны муравьям. Эта плодородная долина простирается на юг на десятки километров. А там, в синеющей дали, девять параллельных горных цепей амфитеатром возвышаются одна над другой. Наконец огромный горный массив в ста пятидесяти километрах закрывал горизонт. Это Мокрые Горы, на которых духоборы, сосланные за отказ от царской военной службы, разводят длинношерстных шленских овец* и выделяют свой русско-швейцарский сыр, соперничающий с заграничным. Горы эти так высоки, что снег на них виден бывает ещё в мае.

На пасеке красуется маленький домик-лаборатория под драночной крышей, выкрашенной в красный цвет. Тут мы выкачиваем дивный мёд Высокого Кавказа, один из лучших в мире. К домику пристроен небольшой навес. Я избрал его своей летней резиденцией. Старая дверь, положенная на два пустых улья, служит прекрасной кроватью. Я живу тут с апреля по сентябрь. У изголовья дощечка на двух кольшках и висящий под нею фонарь составляют всю меблировку. Это полка для очередной книги. Тут никто меня не беспокоит, и все свои досуги я могу отдавать чтению и переписке с Толстым, Марьей Александровной Маковицким и другими друзьями. Мой маленький заработок я почти целиком трачу на книги...

Хозяйство в Кикети отнюдь не носило коммерческого характера. Хозяин лично управлял им. Князь по происхождению, он получил высшее агрономическое образование в Германии. По этим двум причинам он был заметно лишён практических знаний и навыков. Отраслей производства у него было более, чем следовало. Но для моего обучения более благоприятной обстановки нельзя было вообразить.

Прекрасную пасеку вёл хорошо оплачиваемый специалист, знающий и обожающий своё дело. Поляк — огородник и садовник — был также очень сведующим. Он выращивал много сортов овощей для семьи. Каждую весну он закладывал горячие парники и подрезывал плодовые деревья. Был также участок спаржи, который давал заметный доход.

Держали шесть дойных коров, большой сепаратор и маслобойку. Ежедневно выюком по тропе отправляли два больших бидона молока в город. Сбивали масло, делали дивный кавказский йогурт и туземный овечий сыр.

У большого стада овец был необыкновенный пастух восьмидесяти лет. Грузин огромного роста и лёгкий в движениях. Его тонкая талия и безволосое лицо придавали ему женственный вид.

Две пары волов, тройка лошадей для линейки и пара вьючных лошадей составляли средства передвижения. На полях сеяли пшеницу, ячмень, овёс, кукурузу, клевер и люцерну.

Хозяин был теоретик-любитель и составил себе значительную сельскохозяйственную библиотеку. В ней имелись прекрасные русские переводы лучших иностранных руководств. Несколько русских журналов знакомили нас со всеми нововведениями. Таким образом, зимою я мог прочесть всё лучшее, что было написано по пчеловодству, огородничеству и садоводству.

Но всё-таки основу того, что сформировало меня для практической жизни, дала не печатная бумага, а великая книга бытия, книга вещей и природы. У пастуха я научился приносить из лесу на плече целое дерево. Он поддерживал его рычагом с другого плеча и таким образом распределял тяжесть равномерно на оба плеча. Это удваивало его силу. Широким грузинским топором, острым как бритва, я практиковался рубить с одного маху зелёные ветви толщиной в руку.

Я наблюдал, как эти обитатели лесов в два топора в несколько минут разделявали на дрова дерево. Засаживая топор один против другого, они сначала раскалывали целое дерево вдоль на латы тоньше руки и потом быстро, с одного маху, рубили их на куски.

Я научился доить коров, выпаивать телят. Научился печь хлеб, стирать и даже куварить на хозяев и рабочих. Я усвоил пчеловодную практику старинную и новую научную. Мне даже посчастливилось работать по борьбе с гнильцом, который хозяин завёз, купив по случаю соседнюю пасеку. После двух лет практики я вполне усвоил весь быт и уклад пчелиной семьи.

С поляком я практиковался в огородничестве, садоводстве и выращивании огородных семян. В поле нужно было научиться грузить сено и снопы, а также воздвигать большие стога с такой тщательностью, чтобы они могли зимовать в поле, не рискуя быть промоченными осенними дождями. Я научился косить, насаживать инструмент и множеству других вещей, недоступных горожанам.

И вот мало-помалу я почувствовал себя в состоянии вести собственное хозяйство, как капитан в океане ведёт свой парусный корабль.

Так в горах я прожил три незабвенных года. Именно на этих залитых солнцем высотах пережил я весну своей жизни, а также своё второе откровение.

В самом деле, если писания Толстого, запрещённые царской цензурой, открыли мне моё место в мире и мою высшую обязанность руководиться в мире высшими инстинктами человека, то здесь, на земле, я проник в тайну и законы великого сотрудничества, симбиоза человека с растениями и животными. Этот образ жизни и это учение доставляли мне полное удовлетворение.

ПЕРВЫЙ РОМАН

Однако эта полнота счастья длилась недолго. Скоро совершенно неожиданно в мою жизнь вдруг вклинился роман самого нелепого порядка. В меня влюбилась сестра хозяйки.

Мы совершенно различные люди. Она на одиннадцать лет старше меня. Мать её грузинка, отец француз, бывший консул в Тифлисе. Несколько лет тому назад её жених в тяжёлых мучениях умер от рака на её руках. От отчаяния её наследственный туберкулёз обострился. Она стала курить, завела собачку и с тех пор безвыездно жила в горах, заведующая хозяйством. Все семейные и друзья относились к ней с особым заботливым вниманием, как к человеку сильно пострадавшему. И я подчинился общему тону.

В ту пору моего душевного расцвета я нежно любил всех и вся, и окружающие в значительной мере платили мне тем же. Я был окружён девушками. У хозяйки было три дочери. В семье близкого друга были две прелестные белокурые девицы. Все пять учились в гимназии и праздники и каникулы проводили у нас на горах. И хотя мы были очень дружны, но я всеми силами берёг их юные сердца, и это удалось мне вполне.

Не то было с их тётей. Я видел в ней одинокого больного человека и, по неведению жизни, совершенно не подозревая в ней женщину, был к ней особенно нежен и внимателен. Большую часть года мы проводили одни в большом опустевшем доме. Зимой нас иногда надолго заметало снегом. Вечера мы проводили вместе перед пылающим камином. Я читал ей всё,

что выходило лучшего по беллетристике. Она перед огнём держала душистую айву, подвешивая и крутя её на ниточке. Или она брала со стены гитару и тихим размеренным голосом напевала мне неподражаемые грузинские мотивы.

И вот незаметно и неожиданно для себя я покорил её сердце, и между нами постепенно выросли те особые отношения, которые складываются, когда чувство сближает на время совершенно чуждых людей. Сначала очень нежные, они со временем становятся нестерпимыми. Она была неумна, мелочна и чрезвычайно требовательна. Теперь всё, что я ни старался делать, чтобы угодить ей, только раздражало её. Если я пробовал отдалиться, она горько упрекала меня. Когда же мы бывали вместе, мы непрерывно ссорились Из-за всякого пустяка она расстраивалась, осыпала меня упреками, харкала кровью и усиленно курила. Я же мучался и страдал, видя, как я заставляю её страдать, больного человека, который уже достаточно пострадал без меня.

Я не находил выхода из этого кошмарного положения. Хотя роман наш не дошёл до своего естественного конца, я считал уже себя нравственно обязанным жениться на ней. Толстовский догмат очень определёнен. Оставить женщину, с которой сблизился, — это разврат. Считая себя обязанным жениться, я удесятерил драматизм положения. Находил же я это неизбежным и из жалости к ней и для спасения своей чести, а равно и во исполнение твёрдой толстовской догматики.

Долгое время никто не знал о моём отчаянии. Наконец я решаюсь написать обо всём Толстому. Он отвечает немедленно.

Бедный, бедный, милый Лебрэн. Не миновал и вас самый жестокий и мучительный соблазн и захватил вас в очень тяжёлой и трудной форме.

Что делать? — Вы пишете о 4-х выходах. Я думаю, что лучший, хотя и более эгоистический, чем последний, — это выход второй, состоящий в том, чтобы расстаться. Выход этот, разумеется, возможен только в том случае, если она, как вы пишете, даёт вам свободу. — Лучший это выход потому, что он не только освобождает вас от повторения соблазна привычкой, но и потому, что избавит вас от бесчисленного количества самых трудных возможных осложнений, соблазны которых вы также не выдержите.

Жертва, которую вы принесёте, оставаясь с ней, женившись, будет несравненно больше той, которую она принесёт, отказавшись от вашей близости. Главное же то, что жертва, которую вы принесёте, не освободит ни вас, ни её от соблазна; напротив, усилит его. Жертва же её — разлука — освободит и вас и её от соблазна и бесчисленных, ожидающих вас обоих в случае женитьбы не только мучительных осложнений, грехов и поздних раскаяний.

И потому мой совет: примите её жертву, вы будете в состоянии в своей дальнейшей жизни приносить жертвы другим; соединившись же, вы лишите себя этой возможности.

Это мои соображения и предположения, и я не настаиваю на их справедливости; все эти соображения не могут быть решающими мотивами. Решающим мотивом должно быть то, что надо уйти от соблазна. А уйти от соблазна есть одно средство: разлука.

Знаю, что это тяжело будет вам, но выхода из тупика не может быть без страдания.

Очень, очень советую вам сделать так. Я не только думал о вашем положении, но сердцем переживал его.

Моё здоровье шатко. Теперь как будто поправляюсь, но всё ещё слаб.

Любящий вас Л. Толстой
2 февраля 1903.

С таким дивным участием, деликатным и нежным, откликнулась великая душа учителя на моё отчаяние. Мотивировки его и решения могли быть формально догматичными и обходить поэтому сущность положения, но я, уже на пороге жизни, не чувствовал себя более безнадежно одиноким.

А между тем Толстой не перестаёт вдали думать обо мне. Месяц спустя он сам пишет мне:

Дорогой Лебрен, хочется ещё сказать вам несколько слов о вашем положении. Вы пишете, что не лучше ли жениться?

Отчего и не жениться? Но только под женитьбой надо разуместь не только венчание, но и возможность — разрешение полового общения. Брак есть, по-моему, такое обязательство, которое берут друг перед другом мужчина и женщина, если они придут к необходимости полового общения, то только друг с другом. И такой брак не только не исключает воздержания, ещё больше требует его. Так что в вашем положении я бы обещал, что не сойду ни с какой другой женщиной (что и ей так страшно), но старался бы тем более оставаться целомудренным. Для этого нужно изменить условия, разбить привычку соблазна.

Так я думал о вас и вот пишу, что думал. Согласится на это ваш ум и чувство, это ваше дело. Может быть, я ошибаюсь, но думал я, любя вас непосредственной любовью, как человека мне приятного, и её — сознательной христианской любовью, как сестру, которой желаю блага.

Л. Толстой
6 марта 1903 г.*

Так советует учитель, но я не хочу следовать его совету. Мне жаль её, а, с другой стороны, я фанатически строг к себе. Я нахожу, что не заслуживаю пощады. Как японец делает харакири, я готов распрощаться с жизнью и жениться. Если я брошу эту, другая попадётся на жизненном пути, и это будет разврат. Я был в полном отчаянии.

Но вдруг, как это несколько раз случалось в моей жизни, судьба сжалась надо мною. Избавление пришло самым неожиданным образом. В одно из моих отсутствий, которые вообще были очень редки и кратковременны, приехал её дальний родственник подышать горным воздухом. Она мгновенно забыла всю свою привязанность ко мне, и вскоре они уехали вместе.

Ужасный кошмар исчез, как при пробуждении исчезают сновидения!

Она — первая женщина, которой я отдал своё сердце и причинил столько страданий, — она как будто нашла себе человека, гораздо более подходящего. А я теперь был освобождён действительно и окончательно.

Мне потребовался целый год, чтобы отдохнуть душой от этого нелепого приключения!

Все эти годы мать моя жила одна в Тифлисе. Она воображала, что не может дышать в горах. Одна она тоже неспособна была жить по своей непрактичности. Для меня стало наконец ясно, что её нельзя более оставлять одну. Я решил ехать искать в аренду маленькое имение, чтобы поселиться вместе с нею. Я уже вполне чувствовал себя способным вести своё самостоятельное хозяйство.

Как всегда, я пользуюсь этим перерывом в своих занятиях, чтобы съездить лишний раз в Ясную Поляну.

Поездка эта была для меня особенно интересна.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. СЕКРЕТАРСТВО

КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

Летом 1906 года я, как обыкновенно, жил у Марьи Александровны Шмидт, принимал участие в её работах и часто посещал Ясную Поляну. Но вскоре Софья Андреевна* спросила меня, не соглашусь ли я совсем поселиться у них, чтобы переписывать весь монументальный дневник Льва Николаевича? (Он издан теперь в тридцати томах.)*

— Юношеские тетради Льва Николаевича начинают уже выцветать. Кроме того в современных условиях слишком страшно хранить только один экземпляр. Вы перепишите в трёх экземплярах. Один для нас, вто-

рой я положу в Москве в музей. Мне там отвели специальную комнату. Она снабжена железными занавесями, чтобы отделить её на случай пожара. Наконец третий экземпляр мы пошлём в Англию Черткову в его «Стаальную комнату»*.

Я не мог желать ничего лучшего. Иметь возможность прочесть весь Дневник Льва Толстого! Я не смел мечтать о таком счастье. На следующий же день я перекочевал в большой Яснополянский дом. Меня поместили внизу в комнате Андрея Львовича*, которая была свободна.

Но Толстой не согласился на предложение жены. Он объявил, что дневники его прекрасно могут пребывать как они есть. Что это дело, имеющее весьма ничтожное значение, и, наконец, подобное чтение могло бы иметь развращающее влияние на такого молодого человека, как я!..

Таким образом, вместо переписки дневников на мою долю автоматически выпадали обязанности личного секретаря, и это давало мне возможность близко увидеть всю интимную жизнь учителя.

С величайшим интересом изучаю я теперь Толстого. Не столько художника и бунтаря (это хорошо видно по книгам) — сколько будничного человека, неутомимого труженика писателя, самое же главное — Толстого-мыслителя.

Прежде всего меня немало удивило, что настоящего платного секретаря у великого писателя никогда не было. Он считал свою писательскую деятельность столь незначительной, что, охотно принимая случайную помощь друзей, он никогда не позволил себе нанять помощника.

Между тем уже одна корреспонденция представляла значительную работу. Бывали дни, когда приходило до пятнадцати писем. В среднем, я думаю, — четыре или пять. Каждое получало номер и записывалось в особый журнал. Лично Толстой отвечал на очень незначительное количество писем. На некоторые он просил ответить своих семейных. Большая же часть их по прочтении рассортировывалась и складывалась в шкаф. У каждого корреспондента была своя пачка писем, связанная верёвочкой.

Толстой внимательно читал все письма, отмечая на конвертах, что следовало ответить. Белые листочки он старательно отрывал. На этих кусках бумаги он писал свои письма. Поэтому автографы великого писателя имеют столь странный вид. Он любил повторять:

— Вообще — это правило: чем сквернее бумага и правописание, чем грязнее и замусоленнее конверт, тем значительнее и серьёзнее содержание.

Часто, держа большой красивый лист, писанный на машинке, он говорил:

— Всё, что есть хорошего в этом учёном письме, это его белая страничка.

И он старательно отрывал её.

Помню, в первый же день моего секретарства, ответив по поручению Льва Николаевича на несколько писем, я отложил ещё пять, которые вполне

заслуживали ответа. После обеда, улучив минутку, я спросил об этом Льва Николаевича.

— Ну что же, если милость ваша будет, ответим.

И, не вынимая писем из конвертов, он дал мне нужные указания. Я был изумлён. Он помнил их содержание. В то же время он выразил опасение, что у меня и так много дела.

Дела действительно хватило бы на троих.

Письма эти, которые со всех концов мира приходили в Ясную, оставили на мне глубокий след. Большая часть носила очень интимный характер. Души открывались чуткому сердцу любимого автора, спрашивали его мнение или совет. То это были события страшные и драматические, из которых надо было найти выход, то теоретические противоречия в вопросах религии и нравственности, то сомнения юноши или девушки о той лжи, которой их окутывали под именем общего образования, то письма представителей различных сект, которыми, несмотря на жёсткие преследования правительства, полна была Россия, или же письма, тайно вынесенные из тюрьмы.

Была также особая категория корреспондентов. Люди, отказывающиеся от военной службы, прелестные юноши, чуткие и преданные человечеству, предпочитали пытки и смерть службе в царской армии. Они опирались на своё человеческое нравственное достоинство или на учение Евангелия. Они были во всех странах. Существовали также секты магометанские, как Бабиды в Персии* или некоторое время в Казани «Божий полк» татарина Вайсова*.

За редкими исключениями эти экземпляры человеческого рода представляют цвет человечества. И до наших дней во многих буржуазных странах, которые мнят себя цивилизованными, невежественные чиновники, совершенно лишённые человеческих чувств, пытаются их самым бесцельным и бесчестным образом. Однажды я подсчитал их. Из восемнадцати, которые писали нам в тот момент, девять были насмерть замучены царскими слугами!..

Но, кроме писем, были ещё посылки. Мысль народов России пробуждалась в это время с великой быстротой. И после некоторой свободы печати, которую принесли последние реформы, спрос на книги и брошюры стал почти безграничным. Ежедневно их просили у Толстого, и, по его указанию, я должен был набирать посылки, зашивать их в парусину и записывать их содержание.

Адресной книги не существовало, и я решил начать её составлять. Кроме того, приходилось делать выписки из книг или участвовать в спешной переписке больших рукописей.

Из семейных только младшая дочь Александра* ежедневно быстро переписывала на машине очередную рукопись. Марья Львовна*, приехавшая иногда погостить, отвечала на письма, считывала с кем-нибудь из

друзей копии рукописей с оригиналами, да Софья Андреевна записывала во множестве присылаемые книги в карточный каталог или иногда переводила что-либо с английского. Остальные семейные, когда приезжали, жили совершенно в стороне и заметно скучали.

В большой Яснополянской библиотеке царил беспорядок.* Часто книги, которые Лев Николаевич просил меня принести, на месте не оказывалось.

Полный порядок был только в кабинете.

В Толстом, которого я теперь имел счастье наблюдать вплотную, меня больше всего поразили три особенности. Во-первых, его необычайная скромность, чуткая деликатность и мягкость в обращении; во-вторых, истинно подвижническое усердие, с каким он обрабатывал самые ничтожные из своих писаний; в-третьих, его необычайная работоспособность.

Мне приходилось жить со многими людьми, но Толстой был единственным человеком, в отношении с которым я ни разу не заметил и тени трения. Несмотря на мою молодость, он постоянно извинялся, когда звал меня, и, если поручал что-нибудь, всегда приговаривал: «если милость ваша будет», а иногда, когда просил принести книгу, говорил: «пожалейте мою старость».

УСИЛИЯ АВТОРА

Переделывал и переписывал великий мастер свои статьи бесчисленное количество раз.

— Кажется, я порчу, надо оставить... — сказал он однажды, подавая мне давно уже оконченную большую статью о революции*, которую он ежедневно исправлял. Дня через два он сказал Александре Львовне, что статья окончена и просил переписать её начисто; но едва мы успели исполнить это, как он вновь взял статью к себе, и вечером Александра Львовна показала мне нашу переписку всю перечёркнутой и изрезанной на куски.

— Только немного почисти кое-где, — сказал Лев Николаевич, и работа началась снова.

Через некоторое время он опять заявил, что кончил. Но вновь переписанную в трёх экземплярах длинную статью постигла та же участь.

Заваленный работой, я часто сомневался в необходимости подобных бесчисленных исправлений и с особым вниманием, насколько позволяло время, старался вникнуть в их сущность. Однако я не заметил ни одного случая, когда бы исправление не было явно сделано к лучшему.

Каждая корректура подвергалась такой же участи. Для обыкновенного смертного ни одна типография не согласилась бы на это. Но для Льва Толстого корректурные листы просто-напросто набирались снова.

«ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС»

Одну небольшую статью, представляющую совершенство в своём роде, мне пришлось проследить в процессе её создания от зародыша до самого конца*. Она касалась предмета, чрезвычайно дорогого сердцу Толстого.

Однажды из Москвы от И. И. Горбунова пришла крошечная корректура. Листик бумаги не более ладони с десятью «заповедями» английских джорджистов. Толстой вычитал их в английском джорджистском журнале и перевёл.

Заповеди были обыкновенными джорджистскими тезисами. Все люди имеют равное право на всю поверхность земного шара. Каждый человек имеет полное право на весь продукт своего труда. Никто не имеет права облагать труд налогом и так далее.

Я поправил несколько опечаток и дал корректуру автору, думая на другой день отправить её обратно, чтобы не задерживать типографии. К моему удивлению, Толстой сделал много длинных вставок почти в каждую «заповедь» и дал нам переписать. На следующий день он сделал ещё настолько значительные добавления и изменения, что от первоначальных десяти заповедей уже не оставалось ничего. Он просил меня поправлять статью и, не стесняясь, добавлять от себя, если что найду нужным. Он знал, что я очень внимательно изучил книги Джорджа. Много раз после того переделывалась и изменялась статья, пока наконец не получилось вместо десяти кратких заповедей определённой законченной статьи о земельном вопросе, назревшем в России, и о том способе, которым он только и мог бы быть разрешён. Теперь статья была твёрдо закончена. Автор никого больше не просил поправлять и не поправлял сам.

— Остаётся только заглавие, — сказал он мне однажды утром. — Я сегодня думал, вам на выбор, как это там у Пешехонова*, знаете? «Земля и Свет», «Свет и свобода». «Свет, земля и Свобода». Что-нибудь в этом роде! Выберите, что больше понравится.

В недоумении я только отмалчивался. Пешехонов был совершенно ничтожен, а статья Толстого была образцовая. Это было точное изложение предмета, полное и краткое. И вдруг дать ей заглавие, лишённое всякого смысла, и банальное до отвратительности. Я молчал и ждал, не отправляя рукописи.

Наконец через несколько дней Лев Николаевич, почти сияющий, подаёт мне заглавие: «Единственное возможное решение земельного вопроса». Заглавие точное, исчерпывающее, как сама статья. Автор был доволен.

— Можно отправить Ивану Ивановичу для издания.

Так удивительно для нас, людей мысли, работал этот огромный ум. Приём, малопонятный людям, руководящимся инстинктом анализа. Первоначальные десять «заповедей» были не более как поводом для

Толстого, чтобы высказать всё, что он знает по земельному вопросу, и только в процессе изложения, с помощью неисчислимых блужданий во все стороны, нашёл он то, чего искал: одновременно и форму и содержание.

Это основная особенность писательского приёма Толстого. Очевидно, он мог думать и искать только письменно, с помощью своего пера! Благодаря этой особенности, неисчислимые варианты, так тщательно изданные теперь Советами, сохранили для будущих поколений все оттенки усилий и исканий этой великой души.

Так, ошупью, как скульптор работает над своей глиной, работал Толстой над своими писаниями. И в его руках, благодаря его исключительным способностям, приём этот давал образцовые полухудожественные, полутеоретические статьи огромной силы: «Единственное средство», «Что такое религия и в чём её сущность», «Не могу молчать», «Три дня в деревне» и т. п.

Этот приём работы без предварительного анализа и ограничения, приём грубо-эмпирического искания ошупью во всех направлениях, искания одновременно формы и содержания, кажется ему неизбежным.

— Будет просто, когда переделаешь раз со сто, — несколько раз говорил он мне. — Говорят: у меня талант, большие способности! Да я толком письма составить не умею. А если и выходит иногда что путное, так это я трудом беру. Какая-нибудь пустячная статья, а я вот три месяца возжусь с ней и никак не могу кончить.

Хаджи Мурат*

Художественные произведения не составляли исключения из этого правила.

Одна тема, прелестная, как сияние утренней зари над снежными вершинами великого Кавказа, привлекала художника в течение всей его жизни. С того самого момента, когда он впервые молодым офицером вдохнул вольный воздух дикого Горного Кавказа, и почти до его смерти.

Это была борьба жестокого императора Николая Первого с черкесами, воинственным племенем горцев, исповедующих магометанство, с их военным и религиозным вождём Шамилем*. В частности — очень драматический эпизод, когда Хаджи Мурат, правая рука Шамиля, сдался русским. Увидав их близко и уяснив себе, что никакое сотрудничество с ними невозможно, он решился вернуться в горы и был убит русскими.

Ещё когда он устраивал народные школы, Толстой с увлечением рассказывал детям эту историю. И в течение всей своей жизни, не будучи в силах победить инстинкт поэта, время от времени он возвращается к этой теме и начинает творить «Хаджи Мурата» почти против своей воли.

Мой друг Илико Накашидзе разыскивал в Тифлисском архиве материалы для «Хаджи Мурата»* и посещал старожилов, лично видавших события. (В своих художественных произведениях Толстой всегда старался быть точным до мелочей.) В один из своих приездов Илико спросил о судьбе «Кавказской повести».

— С «Хаджи Муратом», — ответил Толстой, — я вёл, вёл и теперь совсем запутался. Я кончил повесть, но у меня два варианта. Один в первом лице, другой — в третьем. И я не знаю, какой выбрать.

После своей тяжёлой болезни в 1902 году в Крыму, будучи ещё в постели, поэт вновь вернулся к своей повести. Он пишет Черткову: «Теперь всё время пишу „Хаджи Мурата“. Балуюсь»*.

Но доктор Альтшуллер*, который находился при нём, даёт нам интересные подробности насчёт этого «баловства».

В это время больной периодически испытывал приступы сильных болей, которые останавливали работу. Лихорадка держалась между 39 и 40. Он часто терял сознание. Но едва боли затихали и температура падала, он открывал глаза и говорил дочери: — Ну, Саша, айда! — и начинал диктовать.

После своего «духовного рождения» мировой писатель стыдился публиковать свои «художественные пустяки». Ему казалось, что это основной долг состоял в том, чтобы лично не принимать участия в социальной несправедливости, по крайней мере хоть силой своего пера бороться с врагами народов.

«Хаджи Мурат» увидел свет после смерти своего автора*. Таким образом, корректуры не могли получить обычной обработки. Тем не менее прелестное произведение это одно из самых значительных в художественном творчестве Толстого.

Как Гомер воспел падение Трои, гениальный русский поэт своим неподражаемым старческим голосом воспел здесь неудержимое продвижение разбойной римско-европейской цивилизации, отчаянное сопротивление народа и геройскую смерть его храбрецов.

Как масляное пятно расплывается по бумаге, продвигается она кровавая, страшная и неудержимая, эта цивилизация пиратов, которые, чтобы не иметь помехи в своей преступной деятельности, сумели вытравить в себе малейшие следы высших человеческих инстинктов и высших человеческих знаний. Она продвигается, уничтожая на своём пути все неопределимые нравственные ценности и научные приобретения, которые род человеческий неслыханными усилиями и смертной борьбой сумел приобрести и сохранить до неё. Она продвигается, убивая ум алкоголем, развращая народные массы подкупом, оскопляя умственно молодые поколения. Теперь, когда я пишу эти строки, она продвигается, уже стирая решительно всё на своём пути!..

О нет! Не для забавы престарелый поэт на смертном одре диктовал дочери эти неподражаемые страницы, эти страшные, потрясающие картины торжества преступления! Он хотел в бессмертных образах, живых и всем доступных, запечатлеть навеки весь ужас этого явления. Он хотел также облегчить своё исстрадавшееся сердце, излить всю накопившуюся в нём боль пред грядущими поколениями!

Века пройдут, долгие века, но эта дивная песнь, наполовину горская, наполовину русская, подобно Одиссее, всегда сохранит свою прелесть и обаятельность, потому что она хранит точный и живой образ обеих столкнувшихся цивилизаций и точный и живой образ неугасимого героизма угнетённых народов!

КОРРЕКТУРЫ

Изумили меня и удивительная выносливость и работоспособность Льва Николаевича. Я занимался только часа на три больше него и уже к концу третьего месяца почувствовал, что силы мои убывают. А между тем ему было в то время семьдесят восемь лет.

Особенно поразил меня случай с корректурой предпоследнего полутома «Круга чтения». Это были 293 страницы в восьмую долю листа. Лев Николаевич покончил с нею в один присест, и многочисленные поправки и вставки, из которых некоторые достигали четверти страницы, показывали, что он без пропуска прочёл всю книгу. Правда, он вышел из своей комнаты в четвёртом часу, и вид у него был сильно утомлённый. Переписывая нечёткие места и исправляя некоторые опечатки, я, к стыду своему, просидел за той же работой два дня.

Так престарелый мыслитель ежедневно проводил за письменным столом шесть-семь часов! Только очень редко болезнь прерывала его занятия.

— Возьмите к себе статью, — говорил он тогда ослабевшим голосом, — может, Саша там что-нибудь почистит, а я сегодня совсем не гожусь.

Это значило, что часа через два он неслышно пойдёт в библиотеку, чтобы не прерывать моей работы, и высыплет мне на стол десятка полтора разных форм и величины кругом исписанных кусков бумаги.

— Не знаю, разберётесь ли, — мягко говорит он, кладя рядом пачку писем, на которые он ответил. В такие дни он много читал в кабинете, иногда ложился.

Так день за днём, без малейшего перерыва, тянулось годами. Только содержание работы каждого дня постоянно менялось, полное интереса и значения.

(Продолжение. Начало см.: Русский миръ. 2010. № 4. С. 5–39)

КОММЕНТАРИИ

С. 74. *Душан Петрович Маковицкий...* — Д. П. Маковицкий (1866–1921) родился в словенском городе Ружомберок в семье промышленника, был девятым ребёнком в семье. В 1880 г. поступил на медицинский факультет Пражского университета и в том же году вошёл в кружок словацких последователей Толстого А. Шкарвана. На выпускных экзаменах 1890 года как последователь Толстого отказался препарировать живую лягушку; закончил университет лишь в следующем году. Занимался врачебной практикой в разных странах Европы. Д. П. Маковицкий впервые приехал в Ясную Поляну в сентябре 1894 г., вторично посетил Толстого 28–29 ноября 1897 г., скорее всего по делам словацкого издательства «Посредник», которым руководил. В день встречи Толстой записал в дневнике: «Нынче утром приехал Маковицкий, милый, кроткий, чистый» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 53. С. 166; далее ссылки на это издание приводятся в сокращении: Толстой. ПСС). В 1898 г. Маковицкий опубликовал статью «У Л. Н. Толстого» («U L. N. Tolstého»), в 1900 г. перевёл и издал на словацком языке роман «Воскресение». В доме Толстого Маковицкий жил с 1904 г. по 1910 г., лечил Толстого и крестьян окрестных деревень, всё это время вёл ежедневные дневниковые записи. Сопровождал Толстого во время его бегства из дома, присутствовал при его смерти на станции Астапово. После 1910 г. оставался в Ясной Поляне ещё десять лет, по-прежнему занимался врачебной деятельностью и работал над «Яснополянскими записками», которые частично были изданы в 1922 и 1923 гг. (полностью: Литературное наследство. М., 1979. Т. 90, кн. 1–4: У Толстого. 1904–1910: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого). В записках за 1906 год Маковицкий часто приводит высказывания Лебрэна, иногда пользуется его записями. Секретарь Толстого Н. Н. Гусев, осуществивший литературную обработку записок Маковицкого, так писал о нём: «Сам Душан Петрович вёл очень строгий образ жизни; в трудах проходило всё его время. В девять часов утра он уже отправлялся на приём больных в деревенскую лечебницу, где оставался до часу или до двух. Вернувшись домой, он наскоро завтракал, а в это время его уже дожидались крестьяне, приехавшие из какой-либо дальней деревни с тем, чтобы везти его к опасно больному. Никакая непогода — дождь, вьюга, мороз — не могли его остановить в случаях серьёзной болезни его пациентов. Другим его делом, кроме медицинской помощи крестьянам, было ведение подробных записей всего того, что он видел и слышал в Ясной Поляне, — в первую очередь, конечно, слов самого Толстого. Эти слова он ухитрялся записывать каким-то незаметным способом у себя в кармане, где у него для этой цели всегда были припасены карандаш и куски толстой бумаги. Когда все расходились спать, то есть уже после одиннадцати часов вечера, Маковицкий садился в своей комнате за расшифрование одному ему понятных записей и просиживал над этим занятием до глубокой ночи, иногда до утра. Таким путем создались обширнейшие „Яснополянские записки“ Д. П. Маковицкого — подробнейшая и правдивая летопись яснополянской жизни за шесть лет пребывания Маковицкого около Толстого — с 18 декабря 1904 года по

28 октября 1910 г.» (*Гусев Н. Н. Отрывочные воспоминания // Гусев Н. Н. Два года с Л. Н. Толстым. Из Ясной Поляны в Чердынь. Отрывочные воспоминания. Лев Толстой — человек. М., 1973. С. 325–326*). В 1920 г. Маковицкий вернулся на родину тяжело больным и в 1921 г. покончил жизнь самоубийством.

Записки Маковицкого сохранили отзыв Толстого о Лебрене: «Я его исключительно люблю, не как всех» («Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 3. С. 35).

...известным доктором Шкарваном. — Альберт Альбертович Шкарван (1870–1926) — словацкий последователь Толстого. Получив медицинское образование, был назначен военным врачом при госпитале Кашау (Венгрия), но в феврале 1895 г., ссылаясь на антивоенные убеждения, отказался принять эту должность как несовместимую с его верованиями, за что был приговорен к тюремному заключению на четыре месяца. Обратившись с письмом к Толстому в 1895 г., Шкарван приложил к этому письму записки, одна из которых называлась «Почему нельзя служить военным врачом». Здесь утверждалось, что исповедующий заповеди Христа не может принимать участие в военных организациях. Позднее Толстой включил записки Шкарвана в «Круг чтения» — «Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении». 14 ноября 1895 г. Толстой писал о сильном впечатлении, которое произвели на него поступок и мысли Шкарвана: «Письмо ваше мне было особенно радостно, потому что по всем чувствам и мыслям, выраженным в нём, я узнавал брата по духу <...> радостно было и за вас в том смысле, что, прочтя ваше письмо, мне перестало быть страшно за вас, не боюсь того, <...> что вы ослабеете духом <...> от тяжести гонения <...> Я не боюсь этого теперь, потому что по письму вашему вижу, что у вас есть никогда не изменяющая точка опоры, вера в духовную жизнь, в то, что сущность жизни не в материальном, познаваемом нашими чувствами мире, а в том, что мы называем Богом и что сознаём в себе» (*Толстой. ПСС. Т. 68. С. 254–255*). В этом же письме Толстой предлагал Шкарвану переводить его произведения на немецкий язык; Шкарван позднее откликнулся на это предложение; качество его переводов было одобрено Толстым. О Шкарване см. также: *Булгаков В. Ф. Друзья и близкие // Булгаков В. Ф. О Толстом: Воспоминания и рассказы. Тула, 1978. С. 275–282*.

...другу-профессору Томасу Масарику. — Томаш Гаррик Масарик (1850–1937), профессор философии в Праге, президент Чехословакии в 1918–1935. Дважды посетил Толстого в Ясной Поляне. 19 апреля 1887 г. Масарик впервые посетил Толстого в его доме в Хамовниках. 20 мая Толстой писал Н. Н. Страхову, который направил к нему Масарику: «Очень благодарю вас за Масарику <...> я очень полюбил его» (*Толстой. ПСС. Т. 84. С. 30; см.: Опульская Л. Д. Л. Н. Толстой: Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М., 1979. С. 97*). Во время его последнего визита Толстой записал в дневник: «Вчера хорошо говорил с Масариком» (30 марта 1910 г. — Толстой. ПСС. Т. 58. С. 31). Содержание их разговоров передано в «Яснополянских записках» Д. П. Маковицкого (Кн. 4. С. 212–215).

...Марья Александровна — М. А. Шмит (см. о ней комментарий к первой части: *Русский миръ. № 4. С. 38*).

С. Д. Николаев ~ его прекрасные переводы книг Генри Джорджа... — С. Д. Николаев (1861–1920) перевёл на русский язык все основные сочинения американского экономиста, социолога и публициста Г. Джорджа (1839–1911; см. о нём комментарий к первой части: *Русский миръ*. № 4. С. 39). В письме к П. А. Столыпину (1862–1911), министру внутренних дел и председателю совета министров (1906–1911), от 26 июля 1907 г. Толстой предлагал ему уничтожить «главную неправду нашего времени» — частную собственность на землю, воспользовавшись проектом «Единого налога» Генри Джорджа. «Если бы Вам хотелось более живым способом познакомиться с этим делом, я бы посоветовал Вам пригласить к себе моего приятеля, великого знатока, едва ли не лучшего в Европе, всего сделанного Генри Джорджем, Николаева. Он, я уверен, не откажется съездить к Вам для того, чтобы по мере сил содействовать этому великому делу» (*Толстой*. ПСС. Т. 77. С. 166). Большая часть сочинений Генри Джорджа была издана в издательстве «Посредник». В яснополянской библиотеке имеются девять книг Г. Джорджа с многочисленными пометами Толстого. Статью Николаева «Об освобождении земли по проекту Генри Джорджа» Толстой, отредактировав, включил во второе издание «Круга чтения». Толстой, однако, не во всём был согласен с Г. Джорджем, о чём свидетельствует записанный Гусевым диалог писателя с Николаевым (см.: *Гусев Н. Н.* Два года с Л. Н. Толстым. С. 167–171).

С. 75. ...описание шестисот блюд в книге «Вегетарианская кухня». — Имеется в виду книга: *Николаева Л.* Сто вегетарианских блюд; Наставление к приготовлению кушаний для безубойного питания, составленное на основании практики Ж. И. Шульц в германских, швейцарских, венгерских и русских вегетарианских столовых. М.: Посредник, 1914 (4-е изд.).

...Московского вегетарианского общества... — Подробную историю создания и деятельности этого общества см.: *Естественная жизнь и вегетарианство: Альманах Московского вегетарианского общества / Под ред. П. И. Бирюкова и Н. Н. Гусева.* М., 1913; *Алексеева-Лукьянская В.* Краткий обзор деятельности Московского вегетарианского общества. Из фонда И. И. Горбунова-Посадова (Государственный музей Толстого).

С. 76. ...как римский император Марк Аврелий... — Марк Аврелий Антонин (121–180) — римский император, философ, представитель позднего стоицизма; с юности вёл воздержанный образ жизни: носил простой греческий плащ, спал на земле, избегал развлечений. Будучи ещё мальчиком, он усиленно занимался философией. См.: *Житие и дела Марка Аврелия Антонина цесаря римскаго.* С собственныя, и премудрыя его разсуждения о себе самом. 1798 г. С немецкаго на российской язык переведенныя Сергеем Волчковым (СПб.: При Имп. Акад. наук, 1798). С. 10–12.

В библиотеке Ясной Поляны представлены два издания сочинений Марка Аврелия, известных под общим названием «Размышления» — французский и немецкий переводы с греческого. Первый, выполненный М. Жоли, входит в сборник «Древние моралисты» (Paris, 1841). Второе издание — немецкий перевод К. Клесса. На страницах «Размышлений» многочисленны следы чтения Толстого: отчёркнутые и подчеркнутые главы, записи на полях. Особенно много помет в немецком издании.

...*Брэм...* — Альфред Эдмунд Брэм (1829–1884) — немецкий учёный-зоолог, совершивший путешествия по Египту, Нубии, Судану, Абиссинии, Испании, Норвегии, Западной Сибири, автор знаменитой научно-популярной книги «Жизнь животных» (1863–1869).

...*Киплинг...* — Джозеф Редьярд Киплинг (1865–1936) — английский писатель, поэт и новеллист. Его книги для детей, особенно «Книга джунглей» (1894) и «Вторая книга джунглей» (1895), пользовались необычайной популярностью.

...*Томпсон...* — Эрнест Сетон-Томпсон (1860–1946) — канадский писатель, художник-анималист, естествоиспытатель. Известность ему принесли сборники «Дикие животные, как я их знаю» (1898), «Жизнь тех, на кого охотятся» (1901), а также 8-томный труд «Жизнь диких зверей» (1925–1927).

...*путешествие знаменитого Вамбери в Среднюю Азию...* — Арминий Вамбери, или Герман Бамбергер (1832–1913) — венгерский востоковед, путешественник, полиглот. Его научные труды посвящены главным образом истории, языкознанию и этнографии Востока; описание его знаменитого «Путешествия в центр Азии» (1864) переведено на все европейские языки и по-русски вышло в 1865 г. под названием «Путешествие по Средней Азии в 1863 г. А. Вамбери, с картой». В 1883 г. Вамбери опубликовал автобиографическую повесть «Жизнь и приключения Арминюса Вамбери, описанные им самим». Книга имела большой успех, автор получал письма из разных стран мира и, к своему удивлению, узнал, что читателей весьма заинтересовали факты его биографии. Это побудило Вамбери в дальнейшем более полно описать свою жизнь, в результате чего в 1904 г. появилась книга «Моя жизнь». Путешествие Вамбери совпало с подготовкой к завоеванию Средней Азии Россией.

...*Павел Иванович Бирюков - автор монументальной биографии Толстого...* — П. И. Бирюков (1860–1931) учился в пажеском корпусе и морском училище (1880), был в заграничном плавании, окончил гидрографическое объединение Морской академии. В 1884 г. познакомился с В. Г. Чертковым, благодаря которому в ноябре того же года встретился с Толстым, оказавшим определяющее влияние на его жизнь и взгляды. Бирюков был одним из организаторов издательства «Посредник» и его фактическим руководителем в 1886–1888 гг. В 1893 г. содействовал Толстому в оказании помощи голодающим крестьянам. Принимал самое активное участие в судьбе преследуемых духоборов, за что был выслан в 1897 г. под гласный надзор полиции в прибалтийский город Бауск, о чём написал в очерке «История моей ссылки» (сб. «О минувшем». СПб., 1909). В 1898 г. эмигрировал, жил в Австрии, Швейцарии. В 1901 г. Бирюков с позволения Толстого начал работу над биографией писателя. В 1904 г. Толстой просмотрел рукопись первого тома биографии, сделал много замечаний и написал несколько вставок в текст. В 1905 г. во время кратковременного пребывания в Ясной Поляне Бирюков записал со слов Толстого несколько дополнений к его биографии. В предисловии к первому тому Бирюков писал: «Приношу мою глубокую благодарность Софье Андреевне Толстой, открывшей мне доступ к ценным коллекциям биографического материала, собранного ею» (Бирюков П. И. Биография Л. Н. Толстого. М.; Пг, 1923. Т. 1. С. XV). Вместе с тем

С. А. Толстая потребовала сократить некоторые письма Толстого, считая, что их нельзя публиковать в полном объёме. Замечания, вставки и дополнения Толстого к рукописи биографии см.: *Толстой*. ПСС. Т. 34. С. 394–403. Первый и второй тома вышли в свет в 1906 и 1908 гг. в издательстве «Посредник». Полностью четыре тома биографии Бирюкова были опубликованы в 1925 г. Секретарь и биограф Толстого Н. Н. Гусев так характеризовал исследование Бирюкова: «Я видел, что в книге не показан духовный рост Льва Николаевича <...> Павел Иванович мало использовал то, что сообщал о себе в своих произведениях сам Лев Николаевич. Я поделился со Львом Николаевичем своим впечатлением — сказал ему, что если просто читать его произведения, то узнаешь о нём гораздо больше, чем из книги Павла Ивановича. Он сейчас же согласился со мной и даже как будто обрадовался этим моим словам» (*Гусев Н. Н.* Отрывочные воспоминания. С. 329). Сын Толстого, Лев Львович, считал, что Бирюков «был и есть самый умный, порядочный и дельный из всех толстовцев» (*Толстой Л. Л.* В Ясной Поляне: Правда об отце и его жизни. Прага, 1923. С. 95).

...Иван Иванович Горбунов-Посадов... — И. И. Горбунов-Посадов (1864–1940; настоящая фамилия Горбунов) — потомственный дворянин, сын инженера-механика Ижорского завода, писатель, редактор и издатель книг преимущественно для народного и детского чтения. Прочитав в 1884 г. книгу Л. Толстого «Краткое изложение Евангелия», стал проповедником толстовства. С 1885 г. начал работать в издательстве Толстого «Посредник», сначала в качестве распространителя книг, с 1897 по 1925 гг. — руководителем издательства, в котором издал большое количество популярных сборников, хрестоматий, пособий, в том числе собственного сочинения. Толстой относился к нему с исключительной теплотой, о чём, в частности, свидетельствует характеристика Горбунова-Посадова в дневниковой записи от 19 февраля 1889 г.: «Очень умён и даровит. И чист. Легко полюбить его» (*Толстой*. ПСС. Т. 50. С. 38).

...его жена Елена Евгеньевна, дружившая с Н. К. Крупской... — Е. Е. Горбунова-Посадова (урожд. Короткова; 1878–1955), детская писательница, педагог. Родилась в Екатеринбурге, куда был сослан её отец Е. Н. Коротков за участие в революционном движении. Окончила гимназию, потом училась на Высших женских (Бестужевских) курсах. В 1897 г. вышла замуж за И. И. Горбунова-Посадова. В этом же году была арестована, как и Н. К. Крупская, по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». В 1898 г. приговорена к трём годам ссылки в астраханскую губернию. Благодаря хлопотам Толстого срок ссылки был сокращён до года, и отбывала она её в Калуге. С 1900 г. активно участвовала в деятельности издательства «Посредник» как автор и публикатор материалов для детей. Воспоминания и детские рассказы составили первые её книжки: «Наши зелёные друзья-деревья» (1899) и «Наши зверьки» (1904). Была инициатором новой свободной трудовой школы («Дом свободного ребёнка»), ведущим сотрудником журнала «Свободное воспитание», редактором детского журнала «Маяк». Горбунова-Посадова — автор книги «Подвижные игры в комнате и на открытом воздухе» (М., 1914) и воспоминаний «Друг Толстого Мария Александровна Шмидт» (М., 1929).

...книгоиздательство «Посредник»... — См. о нём комментарий к первой части (С. 39). Крупнейший русский книгоиздатель И. Д. Сытин вспоминал: «Шёл ноябрь 1884 года. В один счастливый для меня день в лавку на Старой площади зашёл очень красивый молодой человек в высокой бобровой шапке, в изящной дохе и сказал:

— Меня направил к вам В. Н. Маракуев... Моя фамилия Чертков. Я бы хотел, чтобы вы издали для народа вот эти книги.

Он вынул из кармана три тоненькие книжки, изданные Петербургским комитетом грамотности, и одну рукопись. Это были толстовские „Чем люди живы“, „Два старика“ и „Христос в гостях у мужика“ Н. С. Лескова. Для меня это была полная и очень счастливая неожиданность.

С большим интересом выслушал я это предложение и поблагодарил В. Г. Черткова за внимание к читателю лубка. В дальнейшем наше соглашение приняло такую окончательную форму. Первая серия книг шла бесплатно. Дальнейшие книжки могли быть платными, причём авторский гонорар не должен был превышать существовавшего тогда гонорара для дешёвых народных книг. Печать, бумага и другие расходы по изданию составляли 65 копеек на сотню листов, а продавались за 80 копеек за сотню. Издатель обязан выплачивать авторам гонорар, если материал платный, также и художникам за рисунки. На Черткове лежала работа по редакции и художественной части изданий. Здесь он был полный хозяин. Расходы по оплате гонорара одних авторов уравнивались бесплатным материалом других авторов, благодаря чему книжки можно было продавать не дороже лубочных. Книжки, поступившие через Черткова, были всеобщей собственностью. Издатель права собственности на них не имел. Печатать мог каждый желающий. <...> Делу этому я посвятил всю мою любовь и внимание. Книжки по тому времени вышли необыкновенные: дешёвые, изящные, с рисунками Сурикова, Репина, Кившенко и других. Дешевизна их сильно помогала распространению. Перед этим подобные книжки начал издавать Петербургский комитет грамотности, но по цене 7 копеек за книжку. Мы выпустили по 80 копеек за 100 штук. Успех издания увлек Черткова. Он <...> открыл в Петербурге контору и склад „Посредника“ и привлек большую группу работников и вообще сочувствующих. <...> Многим хотелось дать народу хорошую книгу. Выходило 5–6 книжек, недоступных по цене для народа, затем все прекращалось. „Посредник“ же неутомимо работал и в короткое время дал народу целую серию великолепных дешёвых изданий.

Наша совместная работа с В. Г. Чертковым продолжалась лет 15. <...> Это была не простая работа, а священнослужение. <...> Я был счастлив видеть интеллигентного человека, так преданного делу просвещения народа. <...> Л. Н. Толстой принимал самое близкое участие в печатании, редакции и продаже книг, много вносил ценных указаний и поправок» (*Сытин И. Д. Страницы пережитого // Жизнь для книги: Сытин И. Д. Страницы пережитого. Современники о И. Д. Сытине. М., 1978. С. 68–70*).

...В. Г. Чертков... — См. о нём комментарий к первой части (С. 38).

...Адвокат Струменский — Степан Евгеньевич Струменский впервые побывал в Ясной Поляне в 1899 г. В 1902 г. в Англии помогал В. Г. Черткову в издательской

работе. В 1905 г. посетил Толстого и беседовал о событиях 9-го января (см.: «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 1. С. 82–85). В 1908 г. Толстой получил письмо Струменского из Китая, в котором, упомянув о посланном писателю адресе китайских деятелей культуры, Струменский выразил убеждение, что публичное выступление Толстого в защиту Китая «может спасти побережье Тихого океана от страшных войн и предотвратить превращение Великого Тихого океана в Великий Кровавый». «Действительно, — пишет С. Е. Струменский, — все лихорадочно вооружаются, а китайское правительство, подражая Японии, стремится догонять в этом деле всех остальных. Европейцы помогают этому могущественными средствами. Страшные столкновения готовятся». В заключение Струменский сообщил, что он добивается перевода сочинений Толстого на китайский язык, и попросил в этом содействия писателя. Толстой через своего секретаря поблагодарил Струменского за поздравление и одобрил намерение перевести его сочинения на китайский язык (Шифман А. И. Лев Толстой и Восток // Толстой и Китай. М., 1971). В списках членов Московского Вегитарианского общества за 1910 год числится С. Е. Струменский, житель Китая.

С. 77. *...системе обложения, которую, по Джорджу Вильгельму, ввёл в Киао-Циао.* — Киао-Циао (Киао-Чао, Цзяосянь, Цзяоджоу) — город в Китае, в провинции Шаньдун на берегу Жёлтого моря. 6 марта 1898 г. было подписано германо-китайское соглашение, по которому Китай передавал Германии Киао-Чао на началах аренды сроком на 99 лет. 2 сентября 1898 г. Вильгельм II (Фридрих Вильгельм-Виктор-Альберт Гогенцоллерн (1859–1941), император Германский и король Прусский с 1888 г.; в 1918 г. отрёкся от престола) ввёл в Киао-Чао новую систему налогообложения, во многом близкую идеям Генри Джорджа.

...австралийские джорджисты послали Вильгельму такой же почётный диплом на пергаменте, какой они после посылали Толстому к его восьмидесятилетию... — Текст письма к Вильгельму не обнаружен. Вероятно, оно было написано в связи с десятилетием со времени введения им новой системы налогообложения в Киао-Чао (см. выше). В австралийском адресе Толстому, в частности, говорилось: «Глубокочтимый учитель. Мы, ученики и последователи Генри Джорджа со всей Австралии, называющие себя сторонниками единого налога, желаем присоединиться к тем выражениям любви и уважения, которые будут нестись к вам со всех концов мира в тот день, когда вы достигнете почтенного 80-летнего возраста. История знает немного людей, которых бог одарил бы таким гением, каким отличаетесь вы, и того менее — людей, которые отдавали бы свой гений на служение столь благородным целям. Как великая нравственная сила того исторического периода, который мы переживаем, вы господствуете над королями и властителями и будете направлять человеческую жизнь в то время, когда они и дела их будут забыты. Ваша любовь к собратьям-людям, ваша готовность выступать на защиту всех угнетённых повсюду воспламеняла ответную любовь в сердцах людей, жизнь которых приобрела смысл и желания которых облагораживались благодаря вашему примеру и учению. Когда мы узнали, что вы приняли также учение нашего дорогого покойного

учителя Генри Джорджа, мы с большей смелостью стали отстаивать те идеалы, к которым мы стремимся, и с большей уверенностью стали думать о наступлении того царства правды, в котором справедливость будет законом общественных отношений и любовь — законом личных отношений между людьми. Не только нам, но и всем искренно стремящимся многоразличными путями улучшить мир тем, которые придут в него после нас, ваша жизнь и ваше учение будут источником вдохновения и останутся им на все века. Когда же настанет время, и вы присоединитесь к отцам вашим, это вдохновение и память о вас будет сохраняться среди человечества как самое драгоценное его достояние. Но да будет далёк этот день и да продлятся ваши годы радостного служения высочайшим интересам ваших собратьев-людей» (цит. по: *Горбунов-Посадов И. И.* 28 августа в Ясной Поляне // Русские ведомости. 1908. 31 августа).

...*Сулержицкий...* — Леопольд Антонович Сулержицкий (1872–1916), русский театральный деятель и режиссёр. В 1890 г. был принят на живописное отделение в Московское училище живописи, ваяния, зодчества (Строгановское училище), где проучился до 1894 г. С 5-го курса исключён за «противоначалственные» выступления. В училище познакомился с дочерью Толстого Татьяной, через которую попал в дом Толстых. Став последователем Толстого, уехал в село Пекари под Каневом. «Он живёт на берегу Днепра, у мужика: за полдня его работы хозяева его кормят, — писала М. Л. Толстая родным в 1894 г., — утром он пишет картины, днём работает, вечерами собираются мужики, и он им читает вслух книжки „Посредника“, по праздникам учит ребят» (Голос минувшего. 1918. № 4–6. С. 191–193). Осенью 1905 г. Сулержицкий был арестован за отказ от военной службы по религиозным убеждениям и помещён в отделение для душевнобольных при военном госпитале. Толстой, навестив его, писал 30 ноября 1895 г. Е. И. Попову: «Жаль, что вы не посетили сейчас страдающего Суллержицкого. Я на днях был у него и был тронут и поражен его простотой, спокойствием и благодушием. У него настоящий внутренний переворот, ему хорошо везде» (Толстой. ПСС. Т. 68. С. 268). В январе 1896 г. к нему приехал отец и умолял его отказаться от своего решения, что тот и сделал. Толстой одобрил поступок Сулержицкого: «Не нарочно, а искренно говорю, что на вашем месте я наверное поступил бы так же, как вы, потому что мне кажется, что так и должно было поступить. Ведь всё, что вы делали, отказываясь от военной службы, вы делали для того, чтоб не нарушать закона любви, а какое нарушение любви больше, — стать в ряды солдат или остаться холодным к страданиям старика?» (Там же. Т. 69. С. 41–42). Военную службу Сулержицкий отбывал на границе Афганистана. В декабре 1898 г. Он предложил свою помощь Толстому и организовал переселение в Канаду двух тысяч духоборов; в течение двух лет он жил среди них, помогая им устроиться на новом месте. В 1905 г. в издательстве «Посредник» вышла его книга «В Америку с духоборами: (Из записной книжки)». В том же году Сулержицкий стал режиссёром Московского художественного театра, поставив вместе с К. С. Станиславским ряд спектаклей. См.: *Сулержицкий Л. А.* Повести и рассказы. Статьи и заметки о театре. Переписка. Воспоминания о Л. А. Сулержицком. М., 1970.

...*Магатма Ганди...* — Мохандас Карамчанд Ганди (1869–1948) — один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании. В своей автобиографии Ганди сообщает о том большом влиянии, которое имел на него Л. Н. Толстой. По словам Ганди, чтение первого попавшегося ему сочинения Толстого его потрясло настолько, что все прочие книги показались ему «ничтожными в сравнении с независимостью мысли, глубокой нравственностью и искренностью Толстого» (*Ганди М. К. Моя жизнь*. М., 1934. С. 90). В одном из своих писем Ганди пишет Толстому: «Как Ваш скромный последователь посылаю Вам при сём книжку, написанную мною («Самоуправление Индии» — *Б. А., А. Ш.*). <...> Ваша критика этого сочинения будет для меня в высшей степени ценной» (Литературное наследство. М., 1939. Т. 37–38: Л. Н. Толстой. Кн. 2. С. 344). В другом месте он ещё раз отмечает: «Три современника оказали на меня сильное влияние: Райчандбай своим непосредственным общением со мной, Толстой своей книгой „Царство божие внутри вас“ и Рёскин своей книгой „У последней черты“» (*Ганди М. К. Моя жизнь*. С. 90).

...*великий Сунат-Сем...* — Сунь Ятсен (1866–1925) — китайский революционер, основатель партии Гоминьдан, один из наиболее почитаемых в Китае политических деятелей. Экономическая революция Сунь Ятсена сводилась к передаче ренты государству, т. е. к национализации земли посредством некоего единого налога в духе Генри Джорджа. В 1905 г. под руководством Сунь Ятсена был создан «Чжунго гэмин тунмэнхой» (Китайский революционный объединённый союз). В августе 1905 г. была принята Декларация Объединённого союза — основной программный документ революционеров, написанный Сунь Ятсеном, который выдвинул «три народных принципа»: национализм (свержение маньчжуро-цинской династии и восстановление суверенитета китайской (ханьской) нации), народовластие (учреждение республики) и народное благосостояние (уравнение прав на землю в духе утопических социалистических идей Г. Джорджа). Впервые они были изложены в 1905 г. в первом номере «Минь бао».

...*Ллойд Джордж...* — Дэвид Ллойд Джордж (1863–1945), британский политический деятель, лидер Либеральной партии; министр торговли (1905–1908), финансов (1908–1915). В 1909 г. провёл бюджет, несколько повышавший налог на пустовавшие земли лендлордов. Последний премьер-министр Великобритании от Либеральной партии (1916–1922).

...*Сноуден...* — Филипп Сноуден (1864–1937), английский политический деятель, председатель Лейбористской партии в 1906–1907 гг. и Независимой рабочей партии в 1917–1920 гг.

...*гектограф* — печатный прибор для размножения текста и иллюстраций, изобретённый в 1869 г.; обычно позволяет получить до 100 оттисков. Гектограф широко использовался последователями Толстого для размножения его запрещённых произведений.

С. 78. ...*в уединённой избушке Чарли Смит...* — Возможно, Лебрэн пишет об астрономе, директоре королевской обсерватории в Эденбурге, Чарльзе Смите

(1819–1900). В 1859 г. путешествовал по России; издал книгу «Три города в России». Затем Смит провёл несколько лет в Египте, исследуя устройство больших пирамид. Мистическое толкование этих памятников, изложенное им в монографиях, послужило причиной разрыва со многими учёными и даже выхода Смита из состава Лондонского королевского общества (1874).

...*Письмо ваше очень рад был получить.* — Толстой отвечает на письмо Лебрена от 11 ноября 1990 г. (см.: Толстой. ПСС. Т. 72. С. 531–532).

...*Наша приятельница из Владивостока...* — возможно, Е. К. Плотникова (см. о ней комментарий к первой части (С. 34)).

...*Толстого, который поправлялся после тяжёлой болезни.* — Ход длительной болезни Толстого подробно описан в дневниках С. А. Толстой за 1901–1902 гг.: «Заболел Лев Николаевич с 27 на 28 июня в ночь. Он жаловался на общую тоску, бессонницу, стеснение в груди. <...> Прошлую ночь со 2 на 3 июля он провёл ужасно <...> Он ни минуты не спал; боли в кишках. Позднее стала болеть грудь» (Толстая С. А. Дневники: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 21, 23). В августе 1901 г. наступило некоторое облегчение, и врачи порекомендовали Толстому переехать в Крым. В Крыму 5 января 1902 г. снова началась тяжёлая болезнь. В тот день Софья Андреевна записала: «Вчера вечером и всю ночь Льву Николаевичу было очень плохо: перебои в сердце, стеснение в груди, бессонница, тоска». 16 января: «Ночь была ужасная. Жар усилился, дошло до 38». 26 января: «Мой Левочка умирает» (Там же. С. 36, 39, 43). Двустороннее воспаление лёгких перешло в тяжелейший плеврит. 7 февраля: «Положение почти, если не сказать совсем безнадёжное» (Там же. С. 49). Только в конце мая 1902 г. здоровье Толстого стало медленно улучшаться, и 25 июня Толстые выехали из Гаспры в Ясную Поляну.

...*Получил ваше хорошее искреннее и умное письмо* — письмо Лебрена от 12 октября 1901 г.; см.: Толстой. ПСС. Т. 73. С. 156.

С. 79. ...*Илико Накашидзе...* — Илья Петрович Накашидзе (1866–1923), публицист и критик, сын общественного деятеля Грузии 1860-х годов П. Г. Накашидзе (1838–1895). С Толстым познакомился 21 августа 1897 г., когда приехал в Ясную Поляну, желая помочь духовборам, в судьбе которых принимал деятельное участие. Оставил воспоминания о Толстом: *Накашидзе И.* Как я познакомился с Львом Толстым. Тбилиси, 1928. См. о нём: *Замбахидзе В.* Лев Толстой и Грузия // *Заря Востока.* Тбилиси, 1951. С. 50. См. также: Толстой. ПСС. Т. 70. С. 135.

...*имением «Кикети».* — Кикети находится в 27 км к юго-западу от Тбилиси, на склоне Триалетского хребта. «После крутого подъёма из Тифлиса и Коджоры, дорога далее к „Белому духану“ <...> С этой станции идёт дорога в Бетания. Отсюда же виднеется близлежащее сел. Кикети с его высокою красивою сосновою рощею» (Старожил. Тифлис и его окрестности. Тифлис, 1896. 2-е изд.).

С. 80. ...*и вспоминаю из Гейне — Весело в ваши долины...* Три последние строфы из стихотворения Генриха Гейне, открывающего его первое прозаическое произведение «Путешествие по Гарцу» (1824), написанное под впечатлением большой пешей прогулки по горам Гарца, совершённой из Гёттингена в сентябре 1824 г. Из-

вестны около десятка переводов этого стихотворения на русский язык. Установить переводчика, цитируемого Лебреном, не удалось.

...Это Мокрые Горы, на которых духоборы, сосланные за отказ от царской военной службы, разводят длинношерстных шленских овец... — В 1804 г., желая заселить южные окраины России, Александр I разрешил духоборам поселиться на р. Молочная Мелитопольского уезда Таврической губернии. В 1841 г. они были переселены в Закавказье (Ахалкалакский уезд — так называемые Мокрые горы). В 1898–1900 часть духоборов была выселена в Канаду. 2 апреля 1898 г. Толстой составил прошение на высочайшее имя от имени «кавказских христиан всемирного братства, именуемых духоборами». В прошении, в частности, говорилось: «Войдите в наше положение, ваше величество, и сжальтесь над нами. Вам будут говорить, что нельзя освободить нас от обязанности военной службы, потому что, если освободить нас, то и другие ещё люди последуют этому примеру и будут отказываться от тяжести военной службы; будут говорить ещё, что если продолжать требовать от нас общей государственной обязанности, строго взыскивать с нас за неисполнение её, то мы покоримся, и дети наши будут, как и другие, служить в военной службе. Не верьте этому, ваше величество, ни то, ни другое несправедливо. Подражать нам для выгоды освобождения от военной службы никто не станет, потому что наш отказ от военной службы не только не принёс нам никаких выгод, но, в мирском смысле, принёс величайшие бедствия. Мы были богаты — мы разорены теперь, мы были любимы и уважаемы всеми людьми — мы теперь ненавидимы и презираемы, мы были живы и здоровы — большая часть наших расселённых и сосланных вымирают теперь от нужды и болезней. <...> Заставлять же сынов наших строгими мерами, казнями, ссылками, тюрьмами отречься от своей веры также невозможно, как это видно из того, что произошло с нами в эти последние годы. Если бы могли для людского закона отречься от божеского, то мы давно бы уж это сделали» (Толстой. ПСС. Т. 70–71. С. 346–347). О духоборах см.: *Клибанов А. И.* История религиозного сектантства в России: (60-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1965.

С. 84. *...Бедный, бедный, милый Лебрен - 2 февраля 1903 <...> Дорогой Лебрен - 6 марта 1903 г.* — Эти письма не вошли в Полное собрание сочинений Толстого, поскольку он не разрешал их копировать как письма, касающиеся личной жизни Лебрена.

С. 85. *...Софья Андреевна* — жена Толстого, урожд. Берс (1844–1919).

...монументальный дневник Льва Николаевича (Он издан теперь в тридцати томах). — См.: Толстой. ПСС. Т. 46–58.

С. 86. *...Черткову в его «Стальную комнату».* — Живя в Англии, В. Г. Чертков занимался изданием запрещённых в России произведений Толстого, а также собирал и хранил его архивы. Для этого им была выстроена специальная несгораемая комната, больше известная как «Стальная Комната». В общей сложности в архиве хранилось более 100 000 листов рукописей; в 1913 г. Чертков передал их в Библиотеку Академии Наук Санкт-Петербурга. В 1926 г. в связи с подготовкой Юбилейного 90-томного издания сочинений Толстого коллекция Черткова была передана из Рукописного отдела Библиотеки Академии наук в Государственный музей Л. Н. Толстого.

...Андрея Львовича... — Речь идёт о сыне Толстого Андрее Львовиче (1877–1916). Его детство прошло в Москве. Обучался в частной гимназии Л. И. Поливанова и в привилегированном Катковском лицее, но не закончил курса. В 1895 г., в 18-летнем возрасте, поступил вольноопределяющимся на военную службу. С сентября 1904 г. принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 годов в чине унтер-офицера конным ординарцем. Во время боевых действий на Дальнем Востоке был ранен, получил Георгиевский крест за храбрость. В 21 год женился на 27-летней Ольге Константиновне Дитерихс (1872–1951), которая была родной сестрой Анны Константиновны Чертковой, жены Владимира Григорьевича Черткова. Позднее, служа чиновником особых поручений при тульском губернаторе М. В. Арцимовиче, Андрей Львович увлёкся его женой, женщиной средних лет, матерью шестерых детей, и в 1906 г. развёлся с женой. Толстой был крайне огорчён разводом сына и решительно не одобрял его образа жизни. В книге «Несколько лет вблизи Льва Толстого» Нино Накашидзе цитирует Толстого: «Мой сын Андрюша — человек слабовольный. И притом необуздан. Такие люди ведут праздный, барский образ жизни; едят сладкую, жирную пищу, спят, сколько хотят, и не знают, к чему приложить силы. Они думают, что всё создано им на потребу: женщины, лошади, вино, карты... Они заботятся только о собственном удовольствии, и чужая беда им ни почём. Я советую ему ехать в Грузию, может быть, он сумеет как-нибудь вернуть душевный покой княжне Гуриели. Но, к сожалению, мой сын оказался ко всему ещё и трусом. Не хватает у него сил отвечать за свои поступки. Что же мне-то делать, когда всё так сложилось?» (Накашидзе Н. И. Несколько лет вблизи Л. Н. Толстого. Тбилиси, 1978. С. 32).

С. 87. ...Бабиды в Персии... — Основателями бабизма были Сеид Али Мохаммед (Баб, что означает «Врата») (1819–1850) и Бахаулла (1817–1892). Баб в 1840-е годы провозгласил отмену законов, основанных на Коране и шариате; он утверждал равенство всех людей вне зависимости от социального происхождения и конфессии. Учение Бахауллы было менее радикальным (он проповедовал непротивление и братство всех людей) и потому получило самое широкое распространение. Впервые Толстой услышал о бабизме в 1884 г. С тех пор в переписке и дневниках Толстого постоянно встречаются высказывания о бабизме и бахаизме. В сентябре 1902 г. в Ясную Поляну приехал персидский бахаи. На его вопрос об отношении Толстого к Бахаулле и его делу писатель ответил: «Как я могу отрицать его? Очевидно, это дело завоюет весь мир» (цит. по: Аккерман Н., Хассел Г. Вера Бахаи в России: Исторический очерк // Хэтчер У. С., Мартин Д. Дж. Новая мировая религия. Вера Бахаи. СПб., 1995. С. 261). В 1903 г. Толстой прочёл написанную в том же году пьесу И. А. Гриневской «Баб» и в письме к ней от 22 октября подчеркнул, что учение бабидов, которое «откинуло старые магометанские суеверия <...> и держится своих главных основных <идей> братства, равенства и любви, — имеет великую будущность» (Толстой. ПСС. Т. 74. С. 207–208). Незадолго до смерти Толстой сказал о движении бахаи: «Очень глубоко, я ни одного не знаю такого глубокого» («Яснополянские записки» Д. П. Маковиц-

кого. Кн. 4. С. 255). Подробнее об этом см.: *Митник Е. А.* Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в края солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 246–267.

...«Божий полк» татарина Ваисова. — Основателем ваисовского движения в Среднем Поволжье был шейх суфийского Накшбандийского братства Багаутдин Ваисов (1810–1893). Ваисовское движение не признавало властей, налогов, суда, службы, требовало восстановления Булгарского государства. Б. Ваисов был заключён в Казанскую окружную психиатрическую больницу и там скончался. Руководителем движения стал его старший сын Гайнан Ваисов (1874–1918), а после его гибели — младший сын Гизизян Валиев (1887–1963). См.: *Шакуров К. Р.* Деятельность в Томской губернии «Мусульманской секты ваисовский божий полк» // Сулеймановские чтения — 2007: Сб. материалов IX Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2007. С. 123–125.

...младшая дочь Александра... — Александра Львовна Толстая (1884–1979), в 1901–1910 гг. секретарь Толстого. Согласно последнему завещанию, в её полную собственность были предоставлены все произведения Толстого. В 1911 г. издала трехтомные «Посмертные художественные произведения Л. Н. Толстого» (под ред. Н. Г. Черткова). В 1914–1918 гг. работала на фронтах. Вернувшись, стала директором яснополянского музея-усадьбы. В 1920 г. была арестована, в 1920–1921 гг. содержалась в тюрьме, затем была переведена в концлагерь. В 1929 г. эмигрировала, в 1939 г. учредила Толстовский фонд в США. Автор воспоминаний «Об уходе и смерти Л. Н. Толстого» (в кн.: Толстой: Памятники творчества и жизни. М., 1923. Кн. 4).

...Марья Львовна... — М. Л. Толстая, в замужестве с 1897 г. Оболенская (1871–1906), вторая дочь Толстых. Из всех детей духовно была наиболее близка отцу, усердно помогала ему, умела разобрать любую его черновую рукопись, переводила нужные ему книги. С. А. Толстая по-своему любила Марию Львовну, но относилась к ней жёстко, часто её осуждала, не разделяя её приверженности к учению отца. Дочь тяжело это переживала и писала отцу в феврале 1897 г.: «Мои отношения с мамой всегда были для меня с самого детства <...> большим горем. Мама до такой степени привыкла не любить меня, что, обижая и делая мне больно, она не замечает этого. <...> Вероятно, и в этом я виновата» (*Толстая С. А.* Письма к Л. Н. Толстому. М.; Л., 1936. С. 99).

С. 88. В большой Яснополянской библиотеке царил беспорядок. — Основа знаменитой библиотеки была заложена прадедом Толстого по материнской линии князем С. Ф. Волконским, который в 1763 г. купил Ясную Поляну. Библиотека начала формироваться в XVIII в. преимущественно как книжное собрание на иностранных языках. 500–600 томов, доставшиеся Льву Николаевичу от деда и родителей, к 1910 г. были существенно пополнены: всех книг вместе с периодическими изданиями к этому времени насчитывалось около 22 000 томов, включающих издания 1613–1910 гг. Уже к концу 1880-х годов собрание книг и журналов Волконских-Толстых размещалось в тринадцати шкафах. Привести библиотеку в порядок

(книги лежали без описи) было поручено учителю детей Толстого А. М. Новикову (выпускнику математического факультета, впоследствии окончившему медицинский факультет и ставшему профессором медицины). В этой работе самое активное участие приняла Татьяна Львовна Толстая, дочь писателя. Таким образом, был составлен первый карточный каталог, послуживший основой для работы по каталогизации, которую в 1908 г. продолжила С. А. Толстая. Регистрируя книгу, Софья Андреевна отмечала количество томов, шкаф и полку, но её работа не была завершена. Первое научное описание личной библиотеки Толстого было выполнено секретарем писателя В. Ф. Булгаковым (см.: Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне: Книги на русском языке. М., 1958. Ч. 1; Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание: Книги на русском языке. М., 1972. Т. 1, ч. 1; М., 1975. Т. 1, ч. 2; см. также: Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне: Библиографическое описание: Книги на иностранных языках / Сост. Г. А. Алексеева, Е. В. Белоусова, З. М. Богачева и др. Тула, 1999. Т. 3, ч. 1–2).

...давно уже оконченную большую статью о революции... — Речь идёт о статье «О значении русской революции» (первоначальное название «Две дороги»), написанной в ответ на статью А. С. Хомякова «Самодержавие, опыт систем построения этого понятия». 17 апреля 1906 г. Толстой пишет в дневнике: «Всё вожусь с „Две дороги“. Плохо подвигаюсь». (Толстой. ПСС. Т. 55. С. 217). Статья была опубликована издательством «Посредник» в 1906 г. (издание конфисковано). Заключение к статье переросло в отдельную работу «Что же делать?» (1-е издание вышло в издательстве «Посредник» и сразу же запрещено; издатель был привлечён к ответственности; после смерти Толстого работа была перепечатана в третий раз в 19-й части 12-го издания Собрания сочинений, которая также была изъята цензурой).

С. 89. *...Одну небольшую статью — до самого конца.* — Речь идёт о статье «Единственное возможное решение земельного вопроса» (Толстой. ПСС. Т. 36. С. 283–289; творческую историю статьи см. там же, с. 687–692).

...Пешехонова... — Алексей Васильевич Пешехонов (1867–1933), русский статистик, публицист, политический деятель. В 1890-х гг. либеральный народник; работал в области земской статистики. С 1904 г. член редакции журнала «Русское богатство»; сотрудничал также в журнале «Освобождение» и в газетах эсеров «Революционная Россия» и «Сын отечества». В 1906 г. один из основателей и лидеров партии народных социалистов (энесов). Обосновывал необходимость буржуазной национализации земли (переход земли в собственность народа с передачей ренты государству). После Февральской революции 1917 г. член Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, член Совета Главного земельного комитета. Автор работ «Аграрная проблема в связи с крестьянским движением», «Земельные нужды деревни и основные задачи аграрной реформы», многочисленных статей в журналах и брошюр. См. о нём: *Лутухин Д. А.* Зарубежные пастыри / Вступ. ст. и публ. Ю. И. Комболина; коммент. А. Л. Дмитриева и Ю. И. Комболина // *Минувшее: Исторический альманах.* СПб., 1997. [Вып.] 22. С. 76–85.

С. 90. ...*Хаджи Мурат* — Хаджи-Мурат Хунзахский (ок. 1816–1852) — уроженец Хунзаха (Дагестан), молочный брат аварских ханов, по национальности аварец; один из самых энергичных и способных горских вождей; персонаж одноимённой повести Льва Толстого.

...*Шамилем*. — Шамиль (1797–1871) — предводитель кавказских горцев, в 1834 г. признанный имамом теократического государства — Северо-Кавказского имамата, в котором объединил горцев Западного Дагестана и Чечни, а затем и Черкесии. До заключения перемирия при штурме Гуниба в 1859 г. князем Барятинским энергично вёл борьбу против Российской империи. Перевезённый в Калугу, а затем в Киев получил наконец обещанное ещё на Гунибе разрешение совершить паломничество Хадж в Мекку, затем в Медину, где и умер. См.: *Казиев Ш.* Имам Шамиль. М., 2001 (переиздания: 2003, 2006, 2010; серия «Жизнь замечательных людей»).

С. 91. ...*Мой друг Илико Накашидзе разыскивал в Тифлисском архиве материалы для «Хаджи Мурата»*... — В 1902 г. Толстой просил грузинского писателя И. П. Накашидзе, находящегося в Москве, рекомендовать кого-нибудь в Тифлисе, кто мог бы прислать архивные материалы для главы о Николае I в повести «Хаджи Мурат». Толстой обратился к Накашидзе, получив от вел. кн. Николая Михайловича записку Е. А. Вайденбаума, знатока кавказской старины и архивов. В записке говорилось, что «ни начальник окружного штаба, ни директор канцелярии главноначальствующего никогда не согласятся отправить к частному человеку несколько десятков, а может быть, и сотен важнейших архивных дел», содержащих доклады и донесения Воронцова с резолюциями Николая I, и что от Толстого «зависит уполномочить кого-нибудь собрать необходимые сведения» (цит. по: *Толстой*. ПСС. Т. 35. С. 611). Письма Толстого к Накашидзе см.: Там же. Т. 73. С. 313, 346.

...*Он пишет Черткову: «Теперь всё время пишу „Хаджи Мурата“. Балуюсь»*, — См. письмо от 31 августа 1902 г. (Там же. Т. 88. С. 274).

...*доктор Альтшуллер*... — Исаак Наумович (Нотович) Альтшуллер (1870–1943) — ялтинский врач, лечивший А. П. Чехова и Л. Н. Толстого. После революции жил в Берлине, Праге и Нью-Йорке. Об Альтшуллере см.: *Новак Ф.* Мои лучшие годы жизни. Доктор Альтшуллер и Л. Толстой // Word. 2005. № 7.

...*«Хаджи Мурат» увидел свет после смерти своего автора*. — Повесть Льва Толстого, написанная в конце 1890-х — начале 1900-х гг., была опубликована в 1912 г.

Комментарии Бориса Аверина и Александра Шоно